

Глава IV. Неудачный выбор «верховников»

Герцогиня Курляндская

В исторической летописи России период царствования императрицы Анны Иоанновны (1730-1740) является одним из самых печальных. С восшествием на престол этого последнего отпрыска бояр Романовых по прямой линии, которое сопровождалось многими весьма необычными обстоятельствами, наступило время развала российской государственности. Именно при Анне Иоанновне достигает своего апогея эпоха временщиков и фаворитов иноземного происхождения во главе с Бироном.

Анна Иоанновна, родившаяся 28 января 1693 года, была второй дочерью старшего брата Петра I царя Иоанна Алексеевича и царицы Прасковьи Федоровны, урожденной Салтыковой. По древнему обычаю, едва царевна появилась на свет Божий, как сразу же поскакали из Москвы гонцы с радостной вестью во все концы земли русской. Детство Анны прошло при дворе матери-царицы в подмосковном селе Измайлово, к сожалению, в неблагоприятных условиях семейной обстановки: слабый телом и духом отец не играл должной роли в семье, а между матерью и дочерью не было настоящей любви. Поэтому, естественно, царевна росла сама по себе, без родительского внимания, среди многочисленных невежественных мамок, юродивых и святош, всегда находившихся при дворе Прасковьи Федоровны, который Петр I назвал «госпиталем всевозможных уродов и пустосвятов».

Царевна не получила ни хорошего воспитания, ни образования, которое могло бы развить ее природные дарования. От своих учителей-иностранцев, немца Иоанна-Дитриха Остермана и француза Рамбуха, Анна ничего не приобрела: ее учили мало и поверхностно: иностранными языками она так и не овладела, а по-русски писала безграмотно.

Семнадцатый век наложил печать на всю жизнь будущей императрицы: она видела своими глазами, как ее энергичный дядя, царь Петр Алексеевич, обрезал бороду у старой Руси, на одряхлевшее от неподвижности, но по сути здоровое тело которой надевалось новое платье. Так росла Анна под впечатлением беспощадной ломки, и семилетним ребенком царевна вступила в новое, восемнадцатое столетие.

В 1709 году царевне Анне исполнилось шестнадцать лет, и Петр I задумал немедленно выдать ее замуж. Укрепляя международный авторитет России, великий реформатор стремился установить родственные связи своего царствующего дома с правящими династиями европейских государств. И эту линию он проводил активно. Успешно решив вопрос о свадьбе своего сына, царевича Алексея, русский царь, руководствуясь политическими соображениями, нашел жениха и для царевны Анны в лице герцога Курляндского, Фридриха-Вильгельма, племянника прусского короля.

Петр I давно был в дружеских отношениях с отцом жениха Анны Иоанновны, герцогом Фридрихом-Казимиром. Весной 1697 года, во время своего первого путешествия за границу, юный русский царь впервые посетил Митаву. Его посольство, как известно, было довольно многочисленным (почти 800 человек) и было принято с большими почестями. Этот прием был весьма ощутим для казны герцога.

Когда свита «господ великих послов из Москвы» остановилась в миле от города, навстречу ей герцогом был послан церемониймейстер с отрядом гвардейцев и четырьмя парадными каретами, запряженными шестериком. Вблизи города царское посольство было

встречено почетным караулом из граждан Митавы, стоявшим шпалерами по обе стороны дороги; их также приветствовали два взвода рейтаров в парадных мундирах на лошадях; за ними следовала герцогская гвардия с двумя трубачами, шесть русских трубачей в красных мундирах с серебряными галунами, двадцать русских кавалеров в блестящих мундирах на лошадях, а также вся герцогская придворная свита в парадной одежде.

Парадная царская карета была запряжена шестью лошадьми буланой масти, гривы и хвосты которых перевивали красные с золотом ленты. Эта карета была обита изнутри золотой парчой с алым бархатным сиденьем, расшитым золотом и серебром. В ней находились Франц Лефорт, Федор Головин и Прокопий Возницын. Карету сопровождали 24 московских гайдука в ярко-красных ливреях с большими серебряными шнурами. За ними следовали рейтары и лакеи герцога, а далее на лошадях – многочисленные московские пажы и лакеи в парадной одежде.

При выходе русских послов из парадной кареты из всех крепостных орудий герцогской резиденции раздался залп салюта. В течение восьми дней герцог с отменным великолепием принимал русских гостей, развлекая их всевозможными забавами и увеселениями. В составе посольства, но совершенно инкогнито, находился и сам Петр I, который имел с герцогом три тайные дружественные беседы. Когда герцог привел к царю пятилетнего сына, принца Фридриха-Вильгельма, Петр, лаская ребенка, шутя обещал женить его на русской царевне. Обещание это, как мы увидим позже, царь привел в исполнение.

Во второй раз Митавский замок вновь увидел в своих стенах русского царя в 1705 году. В то время уже раздавались громы Северной войны, охватившей все балтийское побережье, в том числе и маленькую Курляндию, занятую шведскими войсками корпуса Левенгаупта. Курляндия, фактически оставшаяся без правителя, быстро была занята шведами. Герцога Фридриха-Казимира уже не было в живых, а за малолетством Фридриха-Вильгельма герцогством управлял его родной дядя – Фердинанд, за которым, вопреки желанию курляндского дворянства, польский король Август II утвердил регентство.

В августе 1705 года Митаву, занятую шведами, осадили русские войска во главе с самим Петром I. После двухнедельной осады, во время которой все неприятельские вылазки были отбиты с большим уроном для шведов, последним отправлено было 1 сентября письмо, в котором Петр заявил, что если замок не сдастся, то пусть неприятель не надеется «добрый аккорд получить». Наконец 4 сентября 1705 года замок сдался, причем победителю достались 900 человек пленных, около 60 орудий и множество пороха, свинца и других воинских припасов.

Во время встречи с прусским королем Фридрихом I в октябре 1709 года Петр I договорился с ним о браке юного герцога с одной из русских царевен. Фридрих-Вильгельм, воспитывавшийся в Пруссии, достигнув совершеннолетия, возвратился в 1710 году на родину, в Митаву, в качестве герцога Курляндского. Весной этого же года он получил из Москвы портреты Прасковьи, Анны и Екатерины, дочерей Иоанна Алексеевича. Герцог, никогда не видевший их, свой выбор почему-то сделал именно на смуглой, угрюмой и рябой Анне, хотя, например, нельзя было не заметить бойкой и румяной царевны Екатерины.

Брачный союз был во всех отношениях выгоден для маленького герцогства, так как обеспечивал ему одновременно покровительство России и Пруссии. Вот что писал герцог Курляндский Петру I: «Вы не только помогаете мне обеспечить обладание моим наследственным герцогством, обещая силою поддерживать меня против внешних и внутренних нападений, но даже пожаловали мне в супруги ея высочество царевну Анну – дражайший и любезнейший залог благоволения ко мне вашего величества...»

Со своей стороны, по указанию царя, Анна написала своему суженому, которого до обручения никогда не видела, витиеватое письмо. «Из любезнейшего письма вашего высочества, отправленного 11 июля, – писала Анна-невеста своему жениху, – я с особенным удовольствием узнала об имеющемся быть по воле Всевышнего и их царских величеств, моих милостивейших родственников, браке нашем. При сем не могу не удостоверить, ваше

высочество, что ничто не может быть для меня приятнее, как услышать ваше объяснение в любви ко мне. Со своей стороны, уверяю ваше высочество совершенно в тех чувствах, что при первом, сердечно желаемом, с Божьей помощью, счастливом личном свидании предоставляю себе повторить лично, оставаясь между тем, светлейший герцог, вашего высочества покорнейшею служницею». Заметим, что в равной степени и герцог Курляндский не особенно рассуждал при выборе подруги жизни и подчинился воле русского царя.

Бракосочетание царевны Анны и герцога Курляндского Фридриха-Вильгельма торжественно происходило 31 октября 1710 года в Северной столице с «зело большим увеселением». Впервые описание свадьбы русской царевны с иноземным принцем было разослано по всем европейским дворам в доказательство, что Россия уже не варварская страна и по-европейски справляет царские свадьбы.

По свидетельству современника, на этой свадьбе было истрчено «невероятное» количество пороха, так как каждый тост, а им не было числа, сопровождался одиннадцатью пушечными и огненными фейерверками. Умеренный в обыденной жизни, царь Петр любил триумфы, торжественные праздники по поводу победных баталий или особых семейных дней.

В этот день в 9 часов утра сам царь, в роли обер-маршала, в сопровождении знатнейших русских кавалеров, на шлюпках отправился к царице Прасковье Федоровне. Петр I был в алом кафтане с собольими отворотами, с серебряной шпагой на серебряной портупее и с орденом Святого Андрея на голубой ленте. На голове у него вместо шляпы был напудренный парик, а в руке царь держал большой маршальский жезл с кистью, украшенной золотом и серебром.

А между тем в доме царицы Прасковьи все уже было готово: невесту окружали мать, сестры царевны, тетки и знатнейшие русские дамы, все в нарядных немецких платьях. Невеста была в белом бархатном платье с золотой отделкой и длинной мантией из красного бархата, подбитого горностаем. На голове новобрачной красовалась корона из лавровых листьев. Герцог был в белом кафтане, на его голове – также лавровый венок. Свадьба проходила в хоромах светлейшего князя Меншикова, ближайшего сподвижника царя, куда невеста с женихом, Петром I и многочисленными гостями приплыли на шлюпках.

Н. И. Костомаров писал, что, «занимаясь неустанно делом построения Петербурга, Меншиков не забывал и себя, воздвигая себе в Петербурге красивейший дворец, стараясь сделать его удобным для веселой жизни и приема гостей». Этот дворец был едва ли не лучшим во всем тогдашнем Санкт-Петербурге. Он был построен на Васильевском острове, который в ту пору являлся центром российской столицы.

На одном из берегов Невы, среди зелени, виднелось двухэтажное здание с широким, на каменных столбах балконом. Это и был дворец светлейшего. Перед этим роскошным домом, у самого спуска с берега Невы стоял большой десятивесельный богато убранный катер с бархатным балдахином, увенчанным золотою княжескою короною. Когда княжеский катер переплывал через реку, то все плывшие по Неве большие и малые суда сдерживали свой ход, боясь разгневить вельможу всесильного. А люди, наблюдавшие на берегу за ходом катера Меншикова, при его приближении почтительно снимали шапки.

При входе во двор дома светлейшего князя прибывших на свадьбу встречала веселая музыка, а рота преображенцев отдавала честь. Обряд венчания торжественно совершил архимандрит Феодосий (Яновский) в полотняной походной церкви, поставленной в апартаментах Меншикова.

После венчания все отправились обедать: столы были накрыты в двух залах. В первом зале за свадебным столом под лавровыми венцами сидели новобрачные, здесь же – Петр, Прасковья, сестры невесты, несколько дам. Сам Меншиков удивил русских и иностранных современников не только пышностью торжества, но и его оригинальной программой. Например, когда был подан большой пирог, из его середины выскочила карлица и начала танцевать менуэт на праздничном столе.

Петр I был очень весел. Один тост сменялся другим, и каждый раз заздравное питье сопровождалось залпом из сорока одной пушки, размещенных на плацу и на яхте «Лизет», стоявшей на Неве.

Обед сменился танцами. Бал открылся во вкусе описываемого времени: с трубками, пивом, водкой, штрафными кубками. Дамы и кавалеры были на этой свадьбе неуютимы – только в третьем часу по полуночи бал прекратился. На следующий день – вновь пир. Но и им не закончились свадебные торжества.

К сожалению, брачная жизнь Анны Ивановны продолжалась всего лишь два с небольшим месяца. В январе 1711 года она с мужем отправилась в столицу герцогства – Митаву, но 9-го числа в 40 верстах от столицы российской молодой герцог скончался, вероятнее всего, от «непомерного потребления крепких напитков».

Анна Иоанновна стала вдовой.

Великолепный гроб с телом герцога Фридриха-Вильгельма был отправлен в Митаву, в герцогский склеп, а молодая вдова возвратилась к матери, в родное Измайлово.

Однако Петр I не желал оставлять Курляндию без герцогини. После смерти герцога Фридриха-Вильгельма на курляндский престол вступил бывший администратор – Фердинанд, дядя покойного. Польша, которой он был ревностным сторонником, тотчас утвердила его в правах. Но Петр I, уже установивший влияние на курляндские дела браком своей племянницы, не хотел отказываться от герцогства и старался противодействовать влиянию Польши. Лучшим предлогом для этого являлись финансовые дела в Курляндии. Герцог Фердинанд, живший в Данциге, только номинально управлял Курляндией, а фактическим хозяином здесь являлось дворянство в лице герцогского совета, находившегося в Митаве. По указанию Петра I Анна Иоанновна вернулась в Курляндию и осталась там жить постоянно под надзором гофмейстера Петра Бестужева-Рюмина.

В Курляндии молодая вдова-герцогиня встретила довольно любезный прием: отчасти благодаря памяти ее внезапно скончавшегося супруга, а отчасти, видимо, из-за уважения к штыкам ее могущественного дяди – русского царя.

Для Анны Иоанновны началась монотонная жизнь, прерывавшаяся поначалу редкими поездками в Москву и Петербург. В Курляндии она прожила девятнадцать лет, и этот большой период времени представляется самой бесцветной страницей ее биографии. Она жила здесь скромно и тихо, окруженная немцами, редко покидая свое уединение. Со временем местное рыцарство полюбило ее и относилось к ней почтительно, признавая ее умной женщиной.

Вообще-то положение Анны Иоанновны в Курляндии было ненормальное и фальшивое: герцогиня без герцогства, которое было яблоком раздора между сильными соседями – Россией, Пруссией, Польшей и Швецией. Кроме того, материальное положение племянницы Петра I было тоже незавидным: мать, царица Прасковья, ей ничего не давала, а приданое, назначенное царем-дядей, не все еще было выплачено. Жизнь молодой герцогини нельзя было назвать особенно веселой: Петр I приказал гофмейстеру Бестужеву-Рюмину выдавать ей из курляндских доходов на содержание «столько, без чего прожить нельзя». Презираемая родственниками в России, Анна Иоанновна была вынуждена унижительно просить у Петра I денежные подачки. Вот ее письмо к царю, написанное в 1722 году: «Всемиловнейший государь батюшка-дядюшка! Известно вашему величеству, что я в Митаву ничего с собою не привезла, а в Митаве ж ничего не получила и стояла в пустом мещанском дворе того ради, что надлежит в хоромы, до двора, поварни, конюшни, кареты и лошади и прочее, – все покупано и делано вновь. А приход мой деньгами и припасами всего 12 680 талеров: из того числа в расходе в год по самой крайней нужде к столу, поварне, конюшне, на жалованье и на ливрею служителям и на содержание драгунской роты – всего 12154 талера, а в остатке только 426 талеров. И таким остатком как себя платьем, кружевами, бельем и, по возможности, алмазами и серебром, лошадьми, так и прочим в новом и пустом дворе не только по моей чести, но и против прежних курляндских вдовствующих герцогинь весьма содержать себя не могу. Также и партикулярные

шляхетские жены ювели (т. е. ювелирные. – А. М.) и прочие уборы имеют не убогие, из чего мне в здешних краях не бесподозрительно есть. И хотя я, по милости вашего величества, пожалованными мне в прошлом 1721 году деньгами и управила некоторые самые нужные домовые и на себе уборы, однако много еще на себе долгу за крест и складень брильянтовый, за серебро и за убор камаор и за нынешнее черное платье (т. е. траур. – А. М.) – 10 000 талеров, которых мне ни по которому образу заплатить невозможно. И впредь для всегдашних нужных потреб принуждена в долг больше входить, а не имея чем платить и кредиту нигде не будет». И после смерти Петра I ее положение не изменилось ни при Екатерине I, ни при Петре II.

Раннее и бездетное вдовство в маленькой, слабой стране, за влияние над которой ожесточенно спорили вышеназванные соседи, сделало Анну Иоанновну игрушкой в борьбе политических сил. Международные авантюристы, бедные принцы стремились жениться на герцогине, получив в дополнение и курляндскую корону.

В 1726 году, в царствование Екатерины I, когда Курляндский сейм решил избрать нового герцога, было два претендента на корону: с польской стороны – Мориц Саксонский, побочный сын польского короля Августа II, с русской стороны – светлейший князь Меншиков.

В лице саксонца Морица у герцогини появился жених, которого курляндцы избрали своим герцогом в противовес русскому влиянию. Депутация подданных обратилась к Анне Иоанновне с просьбой одобрить их выбор и отдать свою руку Морицу. А принц и без просьбы нравился герцогине. Но тот не нравился Александру Даниловичу Меншикову, который сам хотел надеть на себя корону Курляндии. В некоторых изданиях прошлого есть утверждения, что во время одной встречи со светлейшим князем в Риге Анна Иоанновна очень просила его устроить ее брак с Морицем Саксонским, но «полудержавный властелин» был решительно против такого варианта.

Однажды вместо внезапно заболевшего обер-гофмаршала двора вдовствующей герцогини Курляндской Петра Бестужева-Рюмина к ней для подписи пришел молодой человек – Эрнст-Иоанн Бирон, шляхтич по вольному найму для канцелярских дел. Новый служитель сразу же произвел впечатление на двадцатичетырехлетнюю хозяйку Митавы: она уже давно тяготилась близкими отношениями с пожилым обер-гофмаршалом. Вскоре, понятно, молодой Бирон, кстати, рекомендованный герцогине Бестужевым-Рюминым, стал личным секретарем Анны Иоанновны, а впоследствии в качестве камер-юнкера занял место своего благодетеля. Именно с этого времени и началась карьера будущего Курляндского герцога, временщика, управлявшего Россией. А для герцогини с появлением Бирона начинается более содержательная интимная жизнь: ее уже не тянет в Москву, в излюбленное с детства село Измайлово.

Эрнст-Иоанн Бирон, родившийся в 1690 году, был вторым из трех сыновей отставного корнета польской службы Карла Бирона, занимавшего значительную должность в лесном хозяйстве герцога Курляндского. Иностранцы утверждают, что дед Эрнста был конюхом герцога Якова III. Будущий временщик России получил в доме отца довольно посредственное образование, после чего отправился в Кенигсберг, где пытался учиться в университете. До появления в Митаве он провел бурную молодость: дважды сидел в тюрьме – за участие в краже и за невыплаченные долги. В 1714 году молодой Бирон посетил Петербург с надеждой найти хорошую должность при дворе принцессы Шарлотты, супруги царевича Алексея, но не был принят из-за своего низкого происхождения.

Чтобы избежать сплетен при дворе и поднять авторитет своего любовника – камер-юнкера – в глазах местной аристократии, герцогиня Анна Иоанновна в 1723 году женила его на одной из своих фрейлин – бывшей уже в годах девице Бенигне-Готлиб фон Трейден с некрасивым, испещренным оспой лицом. С этого года и до самой смерти Анны Иоанновны у них сложились очень близкие, дружеские отношения. Что же касается возлюбленного герцогини, то он, заслужив доверие и расположение Анны Иоанновны своим усердием, по словам того же Бестужева-Рюмина, в 1727 году «всем уже управлял в Митаве».

Спустя три года в Москве произошли события, которые круто изменили судьбу тридцатисемилетней герцогини Анны Иоанновны.

18 января 1730 года Первопрестольная находилась в очень тревожном состоянии: в Лефортовском дворце умирал пятнадцатилетний император Петр II, внук Петра Великого. То был канун дня, назначенного для его бракосочетания с княжной Долгорукой, на которое в Москву прибыли высшие чины и весь цвет российского дворянства.

Можно понять москвичей, их тревогу: ведь им первым выпадало испить горькую чашу от «перемен наверху». Именно Москве всегда приходилось начинать, ей доставался первый глоток – самый горький. К примеру, стрелецкие бунты были ещё памятны старикам. Как и раньше, у горожан возникало много вопросов.

Поздно вечером 18 января к Лефортовскому дворцу стали съезжаться члены Верховного Тайного Совета, сенаторы, члены Синода, генералитет.

Умиравшего государя причастили. Он впал в беспамятство, началась предсмертная агония. «Запрягайте сани – я еду к сестре!» – воскликнул Петр II в бреду и испустил дух. Это случилось в первом часу ночи 19 января.

По поводу неожиданной смерти императора в день свадьбы старая Русь стала шептаться, что это не к добру. И ведь действительно, худо в Российском государстве скоро свершилось.

Романовы, вступив в 1613 году на русский престол, представляли собой молодой здоровый род. Однако уже в 40-х годах XVIII столетия, со смертью Петра II, внука Петра Великого, пресеклась мужская линия этой династии.

Поскольку сын царевича Алексея не оставил потомства и не нашел себе преемника, вопрос о престолонаследии вызвал большие осложнения.

Едва успели сановники и гости Первопрестольной несколько прийти в себя от неожиданной кончины отрока-царя, как восемь членов Верховного Тайного Совета – четверо князей Долгоруких, двое Голицыных, граф Головкин и барон Остерман – закрылись в одной из комнат Кремлевского дворца на совещание, чтобы решить главный вопрос – кому предложить императорскую корону.

На этом совещании в узком кругу говорили много и долго. В поисках кандидата на престол перебрали весь наличный царский дом, называя первую жену Петра, царицу-монахиню, его младшую дочь Елизавету, двухлетнего сына старшей дочери Анны – герцога Голштинского, дочерей царя Иоанна, и ни на ком не могли остановиться, ни у кого не могли найти бесспорного права на престол.

Кандидаты ценились не по законному основанию, а по политическим соображениям, по личным или фамильным сочувствиям.

Заявление князя Долгорукого, отца второй невесты Петра II, о праве его дочери на престол, будто бы завещанном ей покойным женихом, и чье-то предложение о царице-бабке были отклонены как «непристойные».

Тогда князь Голицын, возвысив голос, сказал, что поскольку прервалось мужское колено царского дома, то следует перейти к старшей женской линии, к дочерям старшего брата Петра Великого, царя Иоанна, тем более что дочери преобразователя не имеют права на трон как незаконные, родившиеся до бракосочетания Петра I с Екатериной.

У царя Иоанна Алексеевича осталось три дочери: Екатерина, Анна и Прасковья. Старшая из них, Екатерина, в 1716 году была выдана замуж за герцога Мекленбург-Шверинского Карла Леопольда, человека с очень трудным характером. У них родилась дочь Елизавета-Екатерина-Христина. Прожив с мужем шесть лет, Екатерина вернулась вместе с дочерью к матери – в подмосковное село Измайлово. Что же касается младшей дочери царя Иоанна Прасковьи, то она сочеталась морганатическим браком с генералом Мамоновым.

Князь Д. Голицын предложил своим соратникам по власти кандидатуру герцогини Курляндской, заявив: «Анна Иоанновна свободна и одарена всеми способностями,

нужными для трона». Все присутствующие с этим мнением согласились. Однако, «верховники», желая сохранить свою власть, решили ограничить права Анны как самодержицы. Они исходили из того соображения, что избранница Совета, все время жившая в Митаве, не связана с придворными группировками и гвардией, что ради короны она охотно согласится на их условия. По словам С. М. Соловьева, князь Д. Голицын придумал «лекарство от болезни власти – ее ограничение».

Между тем в другом зале императорского дворца сенаторы, духовенство и высшие генералы терпеливо ждали, на чем порешит Верховный Тайный Совет.

После заседания члены Совета вышли в большой зал дворца и объявили свое решение. Феофан Прокопович, виднейший идеолог эпохи преобразований, стал возражать против выбора «верховников», ссылаясь на завещание Екатерины I о Елизавете и Анне, но князь Д. Голицын ему коротко ответил: «Мы не хотим незаконнорожденных». Других протестов не было.

Утром 19 января 1730 года в Кремле Верховный Тайный Совет официально объявил сенаторам, духовникам, генералам и прочим чинам о вручении российского престола герцогине Курляндской Анне Иоанновне. Все от имени отечества изъявили полное согласие. О своём намерении ограничить власть Анны «верховники» собранию не сказали.

В тот же день восемь членов Совета составили пункты, сохранявшие реальную власть за «верховниками», и совершенно секретно от всех отправили в Митаву. В акте Совета говорилось, что Анна Иоанновна лишается права вступать в брак, иметь или назначать преемника, начинать войну и заключать мир с другими державами без согласия «верховников». В документе содержались и другие ограничения ее власти. В нем также подчеркивалось, что в случае нарушения этих условий императрица лишается российской короны. Акт «верховников» Анна Иоанновна подписала словами: «По сем обещаю без всякого изъятия содержать. Анна».

Избрание герцогини Анны российской императрицей вскоре стало известно всей Москве и вызвало всеобщий интерес. Случайное обстоятельство придало этому событию общерусское значение. Как уже отмечалось, на тот самый день, 19 января, в канун которого умер император, была назначена его свадьба с княжной Долгорукой. Вместе с полками в Первопрестольную в ожидании придворных празднеств наехало множество провинциального дворянства. Собравшись на свадьбу и попав на похороны, дворяне оказались в водовороте политической борьбы.

Сначала замысел «верховников» был встречен в обществе глухим ропотом. Об этом мы узнаем из записей новгородского архиепископа Феофана Прокоповича, современника описываемых событий. «...Куда не прийдешь, только горестные нарекания на осьмиличных оных затейников, — отмечал наблюдательный автор, противник „верховников“, — всех их жестоко порицали, все проклинали необычное их дерзновение, несытое лакомство и властолюбие». А вот еще один достоверный источник – секретарь французского посольства Маньян. «Здесь, — писал он из Москвы в Париж, — на улицах и в домах только и слышны речи об английской конституции и о правах английского парламента». Прусский посол Мардефельд сообщал своему королю, что вообще все русские желают свободы, только не могут договориться между собою насчет меры и степени ограничения абсолютизма. Западные послы писали в свои столицы о том, что общество в лице дворян боится могущества нескольких временщиков, возмущается заменой власти одного лица произволом «верховников». По выражению историка и публициста екатерининского времени князя М. М. Щербатова, «верховники» из себя «вместо одного толпу государей сочинили».

Брожение достигло крайней степени, когда на торжественном заседании Верховного Тайного Совета Сенату, Синоду, генералитету, президентам коллегий и другим чинам прочитали подписанные Анной Кондиции (условия). Коварство «верховников», шитое белыми нитками, было понято всеми. Но выбор Совета одобрили единогласно.

Между тем достигла своего апогея политическая драма князя Д. Голицына, который был в числе сторонников ограничения власти императрицы. Раздор в правительственных кругах и настроение гвардии ободрили противников ограничения. Возникла «другая кампания», по выражению Феофана, столь же сделанного состава, как и прежние: в нее вошли родственники императрицы и их друзья, обиженные сановники. В частности, на сторону Анны Иоанновны стали Черкасский, Вольский, Левенвольд, Ягужинский, которые враждовали с Долгорукими и Голицыными. Тут же ожил и Остерман: все время сидел дома больной, совсем было собрался умирать, но теперь стал вдохновителем новой оппозиции. Колоколом оппозиции являлся Феофан Прокопович: он измучился, звоня по всей Москве о тиранстве, претерпеваемом государыней от «верховников».

10 февраля 1730 года Анна Иоанновна прибыла в подмосковное село Всесвятское и остановилась там, так как умершего императора еще не похоронили и приготовления к торжественному въезду императрицы не были завершены.

Императрица сразу же почувствовала благожелательное отношение к себе, твердую почву, хорошо подготовленную активной агитацией ее сторонников, и прежде всего Феофана Прокоповича и Остермана. Это позволило ей вопреки Кондициям объявить себя подполковником Преображенского полка и капитаном кавалергардов, которых она при этом угостила водкой, что было принято с величайшим восторгом.

11 февраля совершилось погребение Петра II в Архангельском соборе, а в воскресенье 15 февраля состоялся торжественный въезд Анны Иоанновны в Первопрестольную.

Императорский кортеж открывала гренадерская рота преображенцев, ехавших верхом, за которыми следовали запряженные цугом пустые кареты генералитета и знатного дворянства со служителями в парадной одежде. За ними – восемь карет по шесть лошадей цугом везли членов Верховного Тайного Совета и других сановников.

Сама Анна Иоанновна ехала в большой карете с девятью лошадьми. Кучер и фореиторы были в бархатных ливреях с золотыми позументами, и около каждой лошади находился один конюх. Перед императорской каретой ехал отряд кавалергардов под командой Дмитриева-Мамонова, а сзади караульные кавалергарды под командованием князя Н. Ю. Трубецкого. Шествие замыкала гренадерская рота гвардейского Семеновского полка.

Новую императрицу Москва приветствовала орудийными залпами. В Кремле Анна Иоанновна пошла прежде всего в Успенский собор «для отправления Господу Богу молитвы». Традиционно у входа ее встречали в парадной одежде сенаторы, вся высшая знать. При входе императрицы в Собор последовал 101 пушечный выстрел, а войска стреляли троекратно беглым огнем. После посещения Архангельского собора для поклонения гробам предков и гробу новопреставленного императора Анна Иоанновна отправилась в Кремлевский дворец, в «апартаменты Ее Величества».

20 февраля совершилось торжественное принесение присяги новой государыне.

Анна Иоанновна и ее сторонники, убедившись в поддержке гвардии, решили действовать энергичнее. 25 февраля собравшиеся в Большом дворцовом зале восемьсот сенаторов, генералов и дворян подали императрице прошение образовать комиссию для пересмотра Кондиций Верховного Тайного Совета, чтобы установить форму правления, удобную всему народу. В тот же день, после обеденного стола у императрицы, дворянство обратилось с челобитной более ста шестидесяти человек «всемилоостивейше принять самодержавство» своих предков, а подписанные ею ограничительные условия уничтожить.

– Как, – с притворным удивлением простодушного неведения спросила Анна Иоанновна, – разве эти пункты не были составлены по желанию всего народа?

– Нет, – был ответ.

– Так ты меня обманул, князь Василий Лукич... – сказала она, обращаясь к Долгорукому. Она велела принести подписанные ею в Митаве условия и тут же при всех разорвала их. Все время «верховники», как описывал один иноземный посол, не пикнули, а то офицеры гвардии побросали бы их в окно.

Первого марта по всем соборам и церквам вновь присягали, но уже самодержавной императрице.

Таким образом, задуманное «верховниками» ограничение самодержавной власти не осуществилось, и Анна Иоанновна стала самодержицей, подобно прежним государям. Разумеется, после этого опала «верховников», в особенности князя Василия Долгорукова, являлась лишь вопросом времени.

Коронация императрицы Анны Иоанновны была назначена на 28 апреля 1730 года. Особым указом повелевалось день коронации отпраздновать по всей России торжественным богослужением, пушечной стрельбой и колокольным звоном.

Российская самодержица

Коронация императрицы Анны Иоанновны происходила в том же порядке и с соблюдением того же церемониала, какой действовал при двух предыдущих коронациях. Отличие заключалось в том, что эта коронация получилась более роскошной и великолепной. Анна для своей коронации заказала новую корону: с прежней были сняты все бриллианты и другие драгоценные камни. К числу прежних императорских регалий на этот раз была добавлена цепь ордена Андрея Первозванного. Торжество коронации в Москве продолжалось в течение семи дней. 3 мая при дворе императрицы, в Грановитой палате, был дан блестящий бал с танцами, на котором находились все послы иностранных держав.

На российский престол Анна Иоанновна вступила совершенно неподготовленной, и непосредственное управление делами огромной империи она доверила своему фавориту Эрнсту Бирону, который оказывал на императрицу безраздельное влияние. Сама же самодержица предпочитала всякого рода увеселения.

Царствование Анна Иоанновны, которое составило десятилетний период в истории России первой половины XVIII века, явилось одной из наиболее мрачных ее страниц. Упадок государственной и культурной жизни в обществе, жестокий политический террор, неэффективное руководство правительственным аппаратом, вялая внешняя политика – все эти и другие негативные черты были характерны для правления второй русской самодержицы. Именно во времена бироновщины в наибольшей степени обострилась неприязнь русских к иностранцам, к их засилью в верховной власти. В целом царствование императрицы Анны Иоанновны, не будучи богато историческими событиями общегосударственной и международной важности, для нас, современников конца XX века, интересно тем, что оно изобилует деталями, небольшими штрихами, характерными именно для времени упадка российской государственности в 30-40-е годы XVIII столетия. Не менее интересны политические портреты безвольной императрицы Анны Иоанновны и ее фаворита-временщика Бирона.

Верховный Тайный Совет был ликвидирован, а его бывших членов отстранили от государственной деятельности и выслали из Москвы. Так, князь Д. М. Голицын завершил свои дни в Шлиссельбургской крепости, а князей Долгоруких не только отправили в ссылку, но позже и казнили. Князь Василий Лукич Долгорукий, дядя невесты Петра II – княжны Екатерины Алексеевны, – в апреле 1730 года был лишен всех чинов и орденов, а 12 июня того же года сослан в Соловецкий монастырь. Одновременно князя Алексея Григорьевича Долгорукого с семьей сослали в Березов, а других родственников – в разные отдаленные места империи. В дальнейшем, в продолжение более восьми лет, князей Долгоруких непрерывно преследовали, и вот 31 октября 1739 года «Генеральное собрание приговорило: князя Ивана Алексеевича к смертной казни, после колесования отсечь голову, а Василию Лукичу, Сергею и Ивану Григорьевичам – просто отсечь головы», что и было исполнено 8 ноября 1739 года в Новгороде. Осенью 1731 года был учрежден Кабинет министров из трех членов «для лучшего и порядочнейшего отправления всех

государственных дел». Правительственный курс осуществлял бывший вице-канцлер, барон А. И. Остерман, а фельдмаршал Б. Миних командовал войсками. С 1735 года указы Кабинета стали приравниваться к именованным императорским указам, что убедительно свидетельствовало о неограниченной, могущественной власти временщика Бирона, сконцентрировавшего все управление государством в своих руках.

Правительство Анны Иоанновны в своей работе опиралось исключительно на прибалтийское дворянство, представители которого приобрели большое значение в аппарате управления. Русская столичная элита из-за внутренних распри потеряла позиции, а немцы, имевшие своих вождей, заняли ключевые посты и полностью доминировали. У нашего выдающегося историографа С. М. Соловьева были все основания с горечью писать: «Бирон и Левенвольды, по личным своим средствам вовсе не достойные занимать высокие места, вместе с толпою иностранцев, ими поднятых и им подобных, были теми паразитами, которые производили болезненное состояние России в царствование Анны».

Одним из важнейших учреждений периода «бионовщины» была созданная в марте 1731 года Тайная Канцелярия розыскных дел, призванная как центр политического сыска подкреплять правление императрицы Анны Иоанновны и режим Бирона.

Необходимо особо подчеркнуть, что в политической истории России первой половины 60-х годов XVIII века почти во всех процессах принимала участие Тайная канцелярия, одно только название которой вызывало страх у ее современников. В богатой летописи этого прототипа тайной полиции были многочисленные материалы – от процесса царевича Алексея, сына Петра I, до розыскных дел в связи с непристойным упоминанием имени монарха.

Выражения «слово и дело», «государево слово», «государево слово и дело» стали известны в судебной практике на Московской Руси с начала XVII века. В данном случае речь идет о преступлениях, выражавшихся в оскорблении верховной власти, в стремлении к ее ослаблению. Эти преступления раскрывались путем массовых доносов, которые являлись обязательными. Обычно ближайшее следствие вели воеводы на местах, сообщая обо всем немедленно в Москву.

В первой четверти XVIII столетия по инициативе Петра I создается особый карательный орган – Канцелярия розыскных дел, занимавшаяся по личному поручению царя рассмотрением государственных преступлений.

К числу наиболее доверенных лиц великого преобразователя относился майор лейб-гвардии Иван Дмитриев-Мамонов: он выполнял его ответственные поручения, вел розыскные дела, имел большие полномочия. Кстати, розыскных дел становится все больше и больше, и у майора появляются помощники. И вот «в 1717 году Царского Величества именованным указом повелено от лейб-гвардии майору Дмитриеву-Мамонову иметь канцелярию, в которой управлять дела по пунктам Царского Величества». Уже с января 1718 года царская канцелярия начала свою работу, имея тринадцать сотрудников. Для нового учреждения процесс царевича Алексея явился первым крупным делом.

Петр I внимательно следил за делами Канцелярии розыскных дел, определял ее задачи, сам участвовал в расследованиях наиболее важных дел. В частности, в процессе над сибирским губернатором князем Матвеем Гагариным, который в 1721 году за казнокрадство был приговорен к смертной казни и повешен против окон Юстиц-коллегии.

И все же, несмотря на вышеназванные и другие государственные преступления, петровская Канцелярия еще не оформилась в правительственное учреждение и в большей степени была формой временных особых поручений царя. На второй год правления Екатерины I Канцелярия розыскных дел была закрыта.

Однако спустя четыре года, в царствование Анны Иоанновны, этот карательный орган воссоздается под названием Тайная канцелярия, но уже как правительственное учреждение. Ее появление тогда было обусловлено прежде всего неуверенностью императрицы в прочности своей самодержавной власти. 24 марта 1731 года последовал Именной указ Сенату: «Понеже в прошлых годах указом блаженныя и вечнодостойныя

памяти Е. И. В. Петра Великаш определен был Преображенский Приказ, и состояли в нем важныя дела, о которых в указе, состоявшемся апреля 10-го дня прошлаго 1730 года показано именно, а в прошлом 1729 году по указу-ж блаженный и вечнодостоинья памяти Е. И. В. Петра Второго оному Приказу быть не велено, а вышеобъявленныя дела ведомы были в Верховном Тайном Совете и в Сенате: а понеже от правления оных дел в Сенате в прочих государственных делах имеется немалое помешательство, того ради указали Мы вышепомянутыя важныя дела ведать г. генералу нашему Ушакову; и когда он востребует к правлению оных дел канцелярских служителей и прочаго, что к тому правлению принадлежит, и в том по предложениям его Ушакова решение учинить в Сенате».

Итак, все дела Преображенского Приказа передавались в специальное ведение генерала Ушакова. В указе от 10 апреля 1730 года трактовалось «великое дело», которое состояло «в первых двух пунктах, то есть: 1) о каком злом умысле против персоны Нашей или измене; 2) о возмущении или бунте». За донос обещалась милость и награждение. Под «великим делом» подразумевались государственные преступления, бунт против Государя и власти.

Согласно повелению императрицы, Правительствующий Сенат 31 марта 1731 года уже своим постановлением извещал генерала А. И. Ушакова: «...Правительствующий Сенат приказали: имеющиеся в Сенате важныя дела и по тем делам колодников отослать к Вам господину генералу и кавалеру и впредь из коллегий и канцелярий губерней и провинций являющихся в таких же делах колодников, которые надлежат по вышеупомянутому состоявшемуся апреля 10 числа указу отсылать к Вам господину генералу и кавалеру, а по доношению Вашему для отправления, оных дел канцелярии быть в Преображенском на генеральном дворе и именовать оную канцелярию тайных розыскных дел...»

Так появилось в Российской империи государственное учреждение, которое вошло в структуру государственного управления и по своему значению приравнивалось к коллегии. Сенат определил финансовые расходы на ее содержание в сумме 3360 рублей ежегодно. Сенат же утвердил и штаты Тайной канцелярии, предоставленные «генералом и кавалером Андреем Ивановичем Ушаковым», который первые пятнадцать лет ее существования являлся бессменным начальником. В начале 1732 года Тайная канцелярия генерала Ушакова вместе с императорским двором переезжает в Санкт-Петербург.

Главная задача Тайной канцелярии заключалась в борьбе с преступниками и охране покоя государственного строя. Документы о деятельности этого учреждения, в частности, «Тайной Канцелярии журнал» с записями генерала Ушакова, дают представление о нравственном духе, о социально-политической жизни россиян того далекого от нас времени.

Знаменитая формула «Слово и дело государево», указывающая на наличие в деле государственного интереса, являлась веским основанием, чтобы подозреваемый оказался в Тайной канцелярии. Всякое дело в ней начиналось «доношением» какого-либо учреждения или лица, после чего заводилось «важное дело», затем «определение» важности, производство обысков, арестов. И, конечно, «расспросные» и «пыточные» речи, а после завершения следствия – доклад императрице.

Пытки и допросы «с пристрастием» были основными средствами в работе Тайной канцелярии при «следовании» дел. Наиболее употреблявшейся формой пытки являлось битье кнутом на дыбе. Когда же это истязание не давало ожидаемых результатов, то использовались железные тиски, в которых сжимали пальцы рук и ног; сжимали в тисках голову и затем на выбритое место на ней лили тонкой струей холодную воду; вывертывали руки, привязанные к хомуту дыбы, и вытягивали пытаемого за ноги, чтобы еще сильней вывернуть руки. Наконец, жгли подследственного огнем: палач водил по избитой спине двумя-тремя раскаленными металлическими вениками.

Арестованные сотрудниками Тайной канцелярии находились в особых казармах Петропавловской крепости. Традиционно по решению Сената виновных ссылали на вечные каторжные работы, в сибирские остроги на пожизненное заключение.

Большинство следственных дел в Тайной канцелярии велось по доносам. Были и ложные доносы. Например, очень много она получала доносов по поводу неуважительного отношения к императорским указам. Обычно за такую «продерзость» виновного наказывали батогами или плетью, но возвращали ему свободу. По мнению генерала Ушакова, такое наказание делалось каждому для того, чтобы впредь виновный имел «предосторожность». К этой категории относились наказания за непристойные выходки разных лиц против титула и царских бумаг, законов и учреждений высшей власти.

С момента своего создания Канцелярия тайных дел занимала очень высокое место в государственном механизме управления империей. У генерала Ушакова были особые, наиболее тесные отношения с императрицей Анной Иоанновной, которая ему полностью доверяла. Генерал имел право личного доклада непосредственно императрице, минуя все инстанции. Чаще всего на докладах Ушакова Анна Иоанновна писала краткую резолюцию: «Быть по сему докладу». Только в начале своего царствования, да и то весьма редко, она сама допрашивала арестованных.

Генерал А. И. Ушаков всегда стремился изолировать Тайную канцелярию от других правительственных учреждений, сделать ее не только независимой от них, но и влиять на каждое из них. При Анне Иоанновне Сенат ослаб, и первенствовал Кабинет Ея Императорского Величества. Взаимоотношения этого нового правительственного органа с Тайной канцелярией были весьма сложными и не всегда равными. С образованием Кабинета министров доклады передавались в этот орган и отсюда – императрице, но тоже за подписью генерала Ушакова. Формально Тайная канцелярия зависела от Кабинета, но фактически оставалась независимой.

Одной из наиболее характерных черт внутренней политики правительства Анны Иоанновны было то, что оно сделало значительные отступления от нововведений Петра I, иногда по велению времени.

В частности, по просьбе российского дворянства был отменен петровский закон о единонаследии и дано право помещикам делить имение между всеми их детьми. В 1736 году впервые был определен 25-летний срок обязательной воинской службы. При императрице Анне Иоанновне были учреждены гвардейские – Конный и Измайловский – полки.

В царствование Анны Иоанновны Россия участвовала в двух войнах. Ее правительство поддержало польского короля и курфюрста Саксонского Августа III во время войны за польское наследство (1733-1735), в результате которой он утвердился на престоле Речи Посполитой. Россия в союзе с Австрией, продолжая политику Петра I, вела войну против Турции (1735-1739) за выход к Черному морю и для пресечения набегов крымских татар. Русские войска под командованием фельдмаршала Б. К. Миниха взяли Азов, Очаков, Хотин, Яссы, дважды занимали Крым. Русско-турецкая война закончилась Белградским миром, по которому России был возвращен Азов. Именно эта война, стоившая России больших людских потерь и огромных материальных издержек, смыла пятно Прутского поражения Петра I и послужила прологом к победоносным войнам Екатерины II. Подписание мирного договора Петербург торжественно отметил 14 февраля 1740 года.

В качестве положительного аспекта внешнеполитической деятельности правительства императрицы Анны Иоанновны следует признать то, что оно полностью сохранило курс Петра I в отношении Малороссии, которая всегда была объектом борьбы между Россией и Польшей. Ее правительство осознавало значение проблемы укрепления южных границ империи, особенно с Польшей. По мнению С. М. Соловьева, «закрепление окраин составляет одну из самых видных черт правительственной деятельности в царствование Анны».

Одной из приоритетных задач в сфере внешней политики правительство императрицы Анны Иоанновны считало развитие внешней торговли с другими странами. Это было связано с необходимостью приобретать иностранную валюту, золото и серебро, сохраняя активный внешнеторговый баланс. В этом отношении особый интерес для России в то время представляли две страны: на Западе – Англия, на Востоке – Китай.

Среди европейских партнеров России первое место уверенно занимала Англия. Торговля была взаимовыгодной для обоих государств. Английские купцы привозили на судах главным образом шерстяные и шелковые изделия, сукна, олово, свинец, краски и т. д., а вывозили в большом количестве пеньку, кожу, лен, полотно, железо, поташ, ремень, воск, сало и многое другое.

К началу 30-х годов XVIII века торговое сотрудничество между двумя странами стало таким необходимым элементом экономической политики, что их правительства начали переговоры о заключении коммерческого трактата. Английский консул в России Уорд и королевский резидент при Санкт-Петербургском дворе Клавдий Рондо вели переговоры с графом Г. И. Головкиным об улучшении условий русско-английской торговли. В сентябре 1732 года Рондо представил проект торгового договора, и после ознакомления с его содержанием графа Остермана проект дорабатывался по указанию императрицы Анны Иоанновны. 2 декабря 1734 года русско-английский трактат о торговле был подписан резидентом Клавдием Рондо и с русской стороны – вице-канцлером графом А. И. Остерманом, кабинет-министром князем А. М. Черкасским и президентом Коммерц-коллегии бароном П. П. Шафировым. Этот важный межгосударственный документ – первый торговый договор России с европейской державой – был ратифицирован 31 января 1735 года английским королем Георгом II и 28 февраля того же года императрицей Анной Иоанновной.

Позитивный характер имел внешнеполитический курс Российского правительства и по отношению к историческому торговому партнеру России на Востоке – Китаю, имевшему большие запасы золота и серебра. Наличие этих благородных металлов позволяло цинскому правительству рассчитывать на них при покупке русских товаров. Таким образом, обе стороны были взаимно заинтересованы в такой форме расчета в торговле.

В Китае среди русских товаров наибольшим спросом пользовались соболь, а также лисица и горностай. Наряду с ними в экспорте России значительное место занимали меха бобра, выдры, зайца, куницы и белки. Вывоз других видов российских товаров (кожи, алмазов, зеркал, часов) был незначительным.

Среди китайских товаров, ввозимых в Россию, первое место занимали шелковые ткани. Однако кроме шелка в китайском экспорте важную статью составляли ремень и табак, а также драгоценные камни, фарфоровая, серебряная и лаковая посуда, чай.

В 30-х годах XVIII века китайский император Юн-Чжен был крайне озабочен проблемой, которую цинский двор стремился разрешить уже в течение нескольких десятилетий. Речь шла о Джунгарии. Упорно пытаясь ее покорить, пекинское правительство понимало, что в случае войны джунгарский хан будет просить поддержки у России. Поэтому оно решило предварительно выяснить позицию русского правительства и заодно заручиться помощью волжских калмыков, подданных России.

Еще в 1712-1715 годах во время посещения китайцами волжских калмыков Петр I приказал передать в Пекин, что в будущем китайская сторона должна спрашивать у него разрешения на поездку к подвластному ему калмыцкому хану. Поэтому Юн-Чжен отправил к царю Петру II первое официальное посольство Китая.

И вот в феврале 1730 года цинское посольство во главе с главным послом Китая Асхани Амба Туши прибыло в пограничный Селенгинск, направляясь в Москву. Здесь оно должно было поздравить Петра II с принятием скипетра. Китайские послы лишь в России узнали о смерти 18 января 1730 года русского царя и о восшествии на престол Анны Иоанновны.

На всей территории Российского государства китайским гостям оказывался торжественный прием. Когда стало известно, что посланцы китайского императора прибыли во Владимир и приближаются к Москве, то в Китай-городе для их проживания выделили шесть каменных домов. Вечером 9 января 1731 года китайские гости прибыли в село Алексеевское, в пятнадцати верстах от столицы, где они отдыхали четыре дня.

Прибывший на следующий день статский советник Зыбин, руководитель церемонии, объявил гостям, что императрица Анна Иоанновна во имя древней дружбы с Китайским государством, испытывая особое почтение к богдыхану, изволила прислать для первого посла свою карету, а для других – 18 карет, чтобы китайские гости ехали в Москву на приготовленные квартиры.

14 января в столицу Российской империи въезжала кавалькада карет в следующем порядке: за ротой гренадеров ехали кареты генерала Г. П. Чернышева, генерала-фельдмаршала И. Ю. Трубецкого, канцлера графа Г. И. Головкина. В карете императрицы сидел главный посол Китая Асхани Амба Туши. За второй гренадерской ротой следовал посольский обоз с сибирским конвоем. У Красных ворот столицы были выстроены четыре полка со штабом, знаменами и музыкой. В честь китайских гостей был сделан артиллерийский салют из 31 выстрела. Когда карета с главным послом приблизилась к войскам, офицеры отдали ему честь, а солдаты подняли оружие «на караул». Одновременно играла музыка и били барабаны.

Так происходило на всем пути движения китайского посольства, вплоть до домов, где послы должны были жить. На следующий день, 15 января, к китайским гостям прибыл от имени императрицы тайный советник Василий Степанов, который поздравил их со счастливым приездом в Москву.

Аудиенция у русской императрицы состоялась 26 января 1731 года. Перед церемонией на площади около Кремля остановились кареты Анны Иоанновны и восемь министерских карет. Поехали к главному послу Китая и от него на прием в следующем порядке: впереди верхом – гвардии сержант, капрал и 12 гренадеров. За ними солдаты несли подарки китайского императора русской царице в 18 сундуках и ящиках лаковой работы. Затем следовали кареты. В самом Кремле на площади стояли два батальона солдат Бутырского полка со знаменами и музыкой.

В зале аудиенции собрались знатные дамы, фельдмаршалы, генералы, сенаторы и другие чины. Императрица Анна Иоанновна в мантии и с малой короной на голове сидела на троне. Возле трона на столе лежали символы царской власти. Позади царицы стояли обер-гофмейстер генерал Салтыков и граф Вирой.

Войдя в зал и увидев императрицу России, китайские послы остановились. Главный посол, встав на колени, передал грамоту богдыхана графу Головкину, а тот положил ее на стол, покрытый золотой парчой. Затем Головкин пригласил послов подойти ближе к императрице. Главный посол произнес речь от имени своего императора, а перевод читал Василий Степанов. Богдыхан поздравлял Анну Иоанновну со вступлением на престол.

В ответной речи от имени императрицы канцлер заверил послов во взаимном уважении царского правительства к богдыхану Китая. После ответа Головкина китайские послы еще раз поздравили Анну Иоанновну, трижды поклонились ей до земли и стали на колени. И так стояли они на коленях, пока перевод их речи читал Василий Степанов. После этого канцлер подошел к китайским послам и сказал им, что российская императрица благодарит их за поздравления и приглашает к своему столу. Китайские послы начали выходить из зала, пятясь назад и не оборачиваясь у того места, где была отдана грамота богдыхана, они остановились, опустили на колени, затем, трижды поклонившись до земли, встали и вышли.

Во время переговоров в Москве китайские послы предупредили Русское правительство о том, что вблизи русских владений будут передвигаться цинские войска, идущие на войну против Джунгарии. Одновременно посланцы китайского императора просили разрешить им встретиться с ханами волжских калмыков, чтобы попытаться склонить их к войне против Джунгарии. Богдыхан также просил русское правительство не разрешать джунгарским отрядам переходить на территорию России. Китайские послы получили согласие на посещение калмыков.

Наряду с рассмотрением политических вопросов, в которых было заинтересовано китайское правительство, обсуждались и торговые вопросы. В частности, русское

правительство обратило внимание гостей на несоблюдение цинским двором четвертой статьи Кяхтинского договора. Речь шла о том, что торговой деятельности русского казенного каравана, прибывшего в Пекин в декабре 1727 года, чинились препятствия со стороны столичных чиновников и поэтому часть товаров не была продана. Русское правительство настаивало на оказании содействия посылаемым караванам.

2 марта 1731 года в Кремле состоялась прощальная аудиенция у русской императрицы. И вновь все было торжественно, парадно. Отсюда китайские послы отправились к калмыцким ханам. При отъезде китайского посольства ему вручили подарки для богдыхана: отрезы золотой и серебряной парчи, четыре набора соболей (по 40 штук каждый), соболиный мех, 18 чернобурых лисиц – всего на 4100 рублей. Послам подарили 22 набора соболей, 7 лис, 14 наборов (по 40 штук) горностаев – на 4000 рублей.

Первое посольство китайского императора в Москву, которое было одновременно первым посольством Китая в европейские страны, способствовало дальнейшему более тесному сближению двух соседних государств.

В 1731 и 1734 годах правительство России вновь подтвердило государственную монополию на продажу пушнины и запрет на частную торговлю этими товарами в Китае. Оно по-прежнему уделяло главное внимание казенной караванной торговле, которая действовала уже в течение 60-ти лет. За это время из России в Китай отправили 17 караванов, в том числе 7 – после подписания Кяхтинского договора.

Характерно, что современники отмечали прежде всего сильную внешнюю политику правительства императрицы Анны Иоанновны. Решающее участие в судьбах соседней Польши, укрепление своего положения на Балтийском море, победы над османами вызывали уважение со стороны западноевропейских держав, укрепляли международное положение России.

Для оценки государственной деятельности самой императрицы Анны Иоанновны, которая в историографии имеет негативный характер, несомненный интерес представляет мнение по этому вопросу историка князя М. М. Щербатова. Он полагает, что малообразованность, черствость от природы, патриархальность и самодурство, унаследованное от матери, – все это не является основанием для однозначно отрицательной оценки ее царствования. «Ограниченный ум, никакого образования — писал он — но ясность взгляда и верность суждения; постоянное искание правды, никакой любви к похвале; никакого высшего честолюбия, поэтому никакого стремления создавать великое, сочинять новые законы; но известный методический склад ума, любовь к порядку, забота о том, чтобы не сделать что-нибудь слишком поспешно, не посоветовавшись с знающими людьми; желание принять самые разумные меры... любовь к представительству, но без преувеличения». В годы ее правления в России поднялось просвещение, стали известными В. К. Тредиаковский и М. В. Ломоносов, появились русские ученые и научные журналы, была организована вторая экспедиция Беринга к берегам Аляски. В противовес справедливой критике историками царствования Анны Иоанновны только К. Валишевский приводит иные соображения по этому поводу: «Иностранцы не были ни гениями, ни образцами добродетели, но среди неурядицы, в которую бросило страну неоконченное дело Петра, они одни, приблизительно угадывая ее судьбы, имели достаточно способности и хладнокровия, чтобы, насколько возможно, охранить ее интерес в этот критический период».

По отзывам всех очевидцев, лично знавших Анну Иоанновну, она все же была одарена от природы здравым умом и чувствительным сердцем, но обстоятельства ее жизни сложились так неудачно, что эти качества оказались изуродованными. Рослая и тучная, с лицом более мужским, нежели женским, очерстневшая при раннем вдовстве среди дипломатических козней и придворных приключений в Курляндии, Анна Иоанновна, имея за плечами уже тридцать семь лет, принесла в императорский дворец нравы своей жестокой матери и вкусы любовника-фаворита Бирона. Новая самодержица, выбравшаяся по воле случая из бедной литовской трущобы на широкий простор русской высшей власти, как бы вознаграждая себя за прежние годы унижений и лишений, с ожесточенной жадной

отдалась запоздалым удовольствиям и грубым развлечениям. Много денег Анна Иоанновна тратила на торжественные выезды и приемы. Мотовство, роскошь и безвкусица царского двора, сочетавшиеся с грубостью нравов, поражали иностранных наблюдателей.

При Анне Иоанновне императорский двор преобразился: если при Петре I он был малочисленным и отличался простотой, то она стремилась поразить Европу пышностью и великолепием. Придворные должности значительно увеличились численно, а вместе с ними и расходы казны. Чередой проходили торжественные приемы, балы, маскарады, фейерверки, что быстро сокращало бюджет империи.

В 1736 году императрица ввела в России итальянскую оперу, имевшую большой успех в высшем обществе Северной столицы. Сама же Анна Иоанновна предпочитала шутов и держала большой их штат при дворе. В те далекие времена при царских дворах традиционным было иметь шутов. Так, например, у Алексея Михайловича был шут Бухонин, у Федора Алексеевича – дурак Тарас. Однако дом царицы Прасковьи Федоровны, как уже говорилось раньше, был буквально приютом для уродов и шутов. Среди них особенно выделялся сумасбродный Тимофей, считавшийся пророком. Он, кстати, в то время предсказал царевне Анне, что быть ей монахиней, и всегда называл ее Анфисой. Но, как известно, предсказание домашнего пророка не сбылось.

Шуты, которых разыскивали по всей огромной империи и свозили в Петербург, составляли необходимую принадлежность двора Анны Иоанновны. Среди наиболее известных шутов был Балакирев, забавлявший еще Петра Великого. По идее камергера Татищева императрица в 1740 году организовала свадьбу шута князя М. А. Голицына и карлицы – калмычки Анны Бужениновой в специально построенном ледяном доме, прекрасно описанную в одноименном романе И. И. Лажечникова.

Бывшая литовская затворница также любила птиц, в особенности попугаев: клетки с ними висели во всех комнатах императорского дворца. Большое удовольствие ей доставляла и охота: в газетах нередко сообщалось о трофеях государыни.

Анна Иоанновна очень любила наряжаться, при этом предпочитала всегда яркие краски. При ней было запрещено являться во дворец в черном платье, а также два раза в одном и том же платье. Фунты золота и серебра шли тогда на материи для платьев русских вельмож. В будни императрица носила длинное платье зеленого или голубого цвета, а голову всегда повязывала красным платком.

В описываемое время дворцовые собрания столичной знати уже не отличались прежней беспорядочностью и полной непринужденностью, какие господствовали на дворцовых ассамблеях Петра I, а отчасти продолжались еще и при Екатерине I. Собрания эти не напоминали и тех шумных охотничьих пирушек, какие происходили при юном Петре I. В противоположность всему этому, в роскошно отделанных залах дворца Анны Иоанновны были тишина и чинность со стороны гостей. Строгий чопорный этикет версальского двора усваивался мало-помалу и петербургским, хотя при нем не исчезли окончательно простые, незатейливые развлечения старинного быта. Сама императрица не страдала пристрастием к игре в карты, и если играла, то только для того, чтобы проиграть и здесь же отдать деньги победителю. И еще один существенный момент: поскольку Анна Иоанновна боялась пьяных, то традиционные попойки прекратились; другое дело – появились азартные игры, а также шахматы и бильярд. Жена английского резидента в России леди Рондо в 1734 году так описывала внутреннее устройство императорского дворца, посетив один из балов: «Большая зала дворца была украшена померанцевыми и миртовыми деревьями в полном цвету. Деревья, расставленные шпалерами, образовывали с каждой стороны аллею, оставляя довольно пространства для танцев. Эти боковые аллеи, в которых были расставлены скамейки, давали возможность танцующим отдыхать на свободе. Красота, благоухание и тепло в этой своего рода роще – тогда как из окон были видны только лед и снег – казались чем-то волшебным и наполняли душу приятными мечтами. В смежных комнатах подавали гостям чай, кофе и разные прохладительные напитки; в зале гремела музыка и происходили танцы. Аллеи были наполнены изящными кавалерами и очаровательными дамами в роскошных платьях. Все это заставляло меня

думать, что я нахожусь среди фей, и в моих мыслях в течение всего вечера восставали картины из „Сна в летнюю ночь“ Шекспира».

В своей домашней жизни Анна Иоанновна была настоящей богатой русской барыней со всеми привычками и замашками того времени, и даже долголетнее пребывание в Митаве среди немцев не изменило ее уклада жизни, к которой она привыкла с детства в своей семье. Если, впрочем, во дворце Анны Иоанновны и допускались неприличные и, по нынешним нашим понятиям, разные слишком обидные для царедворцев потехи и шутки, если она и забавлялась с шутами, шутихами, скоморохами и карлицами, то наряду с этим пробивалось уже понятие и о том, что русский двор должен усваивать хорошие образцы и тонкий вкус западных европейских дворов. При дворе Анны Иоанновны были уже актеры, а также музыканты и певцы, выписанные из Италии в Петербург на большое жалованье. Итальянская и немецкая комедия чрезвычайно нравилась ее придворным.

Еще в Курляндии Бирон и его жена жили в одном доме с герцогиней. В России все повторилось: теперь фаворит жил в императорском дворце.

Анна Иоанновна всегда обедала в полдень. Ее прихода в столовую ожидал Бирон со своим семейством, и, кроме этих лиц, никого никогда не бывало за ежедневным обедом государыни. Бирон и его семейство говорили обыкновенно по-немецки, так как императрица хотя сама и затруднялась совершенно свободно объясняться на этом языке, но очень хорошо понимала, что говорили другие.

Постоянные ее обеды с семейством Бирона отменялись только в самые торжественные дни. В эти дни государыня кушала в публичке. Тогда она садилась на трон, устроенный под великолепным бархатным балдахинном, украшенным золотым шитьем и такими же кистями, имея около себя с одной стороны цесаревну Елизавету Петровну, а с другой – принцессу Анну Леопольдовну. На этих торжественных обедах выказывались вся роскошь и вся пышность тогдашнего петербургского двора. На столах блестели и изящный фарфор, и серебро, и золото в изобилии, поражавшем иностранных гостей. Но всех тогда поражало еще более одно особое обстоятельство: Бирон на это время сходил с высоты своего величия. Он являлся тут не застольным бесцеремонным собеседником императрицы, а почтительно прислуживал ей в звании обер-камергера, которое он сохранил за собой и по получении герцогского сана. В последние годы царствования Анны Иоанновны торжественные обеды давались очень редко, по всей вероятности ввиду того, чтобы не низводить владетельного герцога Курляндского на степень простого царедворца.

В свободное от приемов и выездов время императрица находилась в кругу семейства Бирона: она с его женой вышивала или играла с детьми в мяч и волан, забавлялась их шалостями, грубыми и никогда не наказуемыми. У супругов Бирон родились два сына (Петр и Карл) и дочь Гедвиг-Елизавета. У Анны Иоанновны была большая привязанность к детям своего любимца: некоторые биографы утверждают, что это были ее дети от Эрнста Бирона, но они считались детьми Бенигны. За десять лет царствования императрицы Анны Иоанновны ее ближайший фаворит Эрнст Иоганн Бирон, став полновластным хозяином России, достиг высших почестей. Прусский король Фридрих-Вильгельм I возвел его в графское достоинство; при императрице он был назначен обер-камергером и стал кавалером ордена Св. Андрея Первозванного. За этим последовали знаки отличия от иностранных дворов, находившихся в союзе с Россией. В 1737 году после смерти Фердинанда любимец Анны Иоанновны при ее активном содействии был избран герцогом Курляндским. В связи с этим его дочь получила титул принцессы и имела свой придворный штат.

Бирон, будучи человеком честолюбивым и мстительным, представлял собой высший тип наемника, извлекавшего для себя выгоды из того положения, в котором вместе с бывшей герцогиней оказался из-за игры случая. В нем как бы сконцентрировались в больших размерах все пороки того времени: жестокость, взяточничество и любовь к роскоши, покровительство иноземцам и оскорбительное отношение к российскому дворянству. Как писал С. М. Соловьев, «тяжел был Бирон как фаворит, как фаворит-иноземец».

Пользуясь безграничным доверием императрицы, Бирон пользовался и русской казной для удовлетворения своих прихотей: старый замок Кетлеров теперь уже перестал соответствовать потребностям и вкусам нового герцога Курляндского, и в 1738 году по приказанию Бирона стены его были взорваны и весь он срыт до основания, а на его месте был заложен новый Митавский дворец, который он предназначил для своей резиденции. План был составлен по проекту строителя Зимнего дворца, знаменитого архитектора графа Растрелли, причем по предварительной смете назначена была значительная по тому времени сумма в 300 тысяч рублей. Для этой постройки, производящейся, очевидно, на русские деньги, из России же выписаны были архитекторы и рабочие, причем все чугунные орнаменты были изготовлены на русских чугунолитейных заводах. Постройка продолжалась два года и в 1740 году была почти закончена, когда по изменившимся обстоятельствам должна была внезапно прекратиться.

Один малоизвестный факт из биографии Бирона тоже убедительно характеризует его личные качества. Когда весть о смерти Меншикова в Березове достигла Москвы, князь Алексей Шаховской, женатый на дальней родственнице покойной княгини Меншиковой, приближенный Бирона, выхлопотал у последнего разрешение вернуться из ссылки детям умершего генералиссимуса и светлейшего князя – Александру и Александре.

Надо заметить, что Шаховской взялся за это нелегкое дело очень умело. Лондонский и Амстердамский банки, в которых хранились огромные капиталы ближайшего сподвижника Петра Великого – 9 миллионов рублей, – отказались выплатить их русскому правительству, заявив, что могут вручить деньги только лишь законным наследникам Меншикова. По нравам того времени, не вмешайся энергичный Шаховской в эту историю, сына светлейшего пыткой заставили бы отказаться от своих прав в пользу правительства. Князь Шаховской же сумел убедить всемогущего Бирона, что лучше воспользоваться случаем и женить его брата Густава Бирона на молодой Александре Меншиковой, чтобы овладеть огромными капиталами ее брата.

Дети генералиссимуса вернулись из Сибири в Петербург в 1730 году.

Семнадцатилетнему князю Александру Меншикову вернули его титулы князя двух империй: Российской и Австрийской, но титул герцога Ижорского не возвратили. Из 90 000 крепостных, принадлежавших его отцу, он получил только 2000. Из капиталов огромного движимого имущества ничего не получил. Его произвели в прапорщики Преображенского полка. Сын генералиссимуса дослужился до генерал-аншефа, гвардии майора, стал кавалером ордена Св. Александра Невского. Он умер в 1764 году, пятидесяти лет, оставив двух сыновей и двух дочерей.

Девять миллионов рублей были возвращены русскому правительству: из них восемь конфискованы государством, часть украл Эрнст Бирон и около миллиона получил Густав Бирон, женившийся на княжне Александре Меншиковой. Кстати, она была очень несчастлива в замужестве и умерла 13 октября 1736 года, в двадцатичетырехлетнем возрасте, не оставив детей.

Большой страстью временщика являлись лошади. Не случайно Манштейн в своих «Записках о России» сослался на высказывание австрийского посла Остейна: «Когда граф Бирон говорит о лошадях, он говорит как человек, когда же он говорит о людях и с людьми, то выражается как лошадь». Для своего фаворита императрица поручила Растрелли построить конный манеж, который казне обходился в 58 000 рублей ежегодно. Кстати, сама Анна Иоанновна, несмотря на возраст и свою полноту, научилась ездить верхом.

На исходе царствования Анны Иоанновны произошло событие, вошедшее в историю как «дело Волынского». Попытка русского дворянства – кабинет-министра А. П. Волынского, придворного архитектора П. М. Еропкина, горного инженера А. Ф. Хрущева и их сторонников – выступить против режима «бироновщины» была жестоко пресечена. Императрица не хотела отдавать Волынского под суд, понимая негативные последствия такого политического акта, однако мстительный Бирон настаивал. «Или я, или он», — не уступал герцог. Анна Иоанновна плакала, а временщик угрожал своим отъездом из России. Императрица уступила, Бирон в очередной раз торжествовал: в 1740 году Волынского

четвертовали, Еропкина и Хрущова обезглавили, другим по его делу «урезали» языки и отправили на каторгу.

5 октября 1740 года во время обеда Анна Иоанновна неожиданно потеряла сознание и после этого уже не вставала, постель стала ее последней обителью. Приближенные Анны Иоанновны давно убеждали самодержицу заблаговременно составить духовное завещание о наследнике, но она всегда отвечала: «Это не уйдет!» И вот теперь, чувствуя угасание жизни и приближение перехода в иной мир, императрица была готова это сделать.

Можно было подумать, что 17 октября 1740 года во дворце императрицы Анны Иоанновны был назначен какой-то праздник. В этот день вечером к главному подъезду дворца подъезжали с разных концов города кареты и колымаги, из которых выходили в дорогих одеждах вельможи. Но слабое освещение дворцовых зал, блиставших обыкновенно во дни празднеств бесчисленными огнями люстр, и господствовавшая во дворце тишина, озабоченные лица съезжавшихся туда сановников, их перешептывание между собой и осторожная ходьба указывали, что на этот раз они собирались во дворец государыни не на веселое пиршество. И точно, они спешили теперь туда вследствие извещения их придворными врачами о том, что императрица была при смерти.

Собравшиеся в приемной государыни сановники и царедворцы с тревожным ожиданием посматривали на двери, которые через ряд комнат вели в опочивальню государыни. Оттуда им должна была прийти весть о том, как решилась судьба империи, а сообразно с этим и участь каждого из них, так как при известной перемене одни из них могли ожидать для себя нового почета и быстрого возвышения, тогда как другим, быть может, предстояло и совершенное падение, к тому же с конфискацией, а то и дальняя ссылка.

Сломленная наконец давнишним и теперь сильно развившимся недугом, лежала на смертном одре Анна Иоанновна, сохраняя еще полное сознание. Обширная опочивальня тускло освещалась двумя восковыми свечами, прикрытыми зонтом из зеленой тафты, и в этом полумраке в одном из углов комнаты ярко блестели в киоте, от огня лампадки, золотые оклады икон, украшенные алмазами, рубинами, яхонтами, сафирами и изумрудами. Иконы эти были наследственные, переходившие от одного поколения к другому, сперва в боярском, а потом в царском роде Романовых.

У одного из окон опочивальни стояли два главных врача императрицы – Фишер и Санхец. Они вполголоса разговаривали между собой по-латыни, и по выражению их лиц нетрудно было догадаться, что всякая надежда на выздоровление государыни была уже потеряна и что они с минуты на минуту ожидали ее кончины. В соседней комнате находился духовник Анны Иоанновны, готовый напутствовать умирающую чтением отходной.

Около постели императрицы стояли: убитый горем герцог Курляндский, его жена с красными припухшими от слез глазами и Анна Леопольдовна. Всегда задумчивое и грустное лицо принцессы выражало теперь чувство подавляющей тоски. Опустив вниз сложенные руки и склонив печально голову, она как будто олицетворяла собой беспомощность и безнадежность. Казалось, вся она сосредоточилась в самой себе, не обращая никакого внимания на то, что происходило вокруг нее. Резкую противоположность принцессе представлял ее супруг. Он, беспрестанно переминаясь с ноги на ногу и подергивая по временам вверх плечами, то с каким-то любопытством взглядывал на умирающую, то рассеянно смотрел на потолок и стены комнаты, то кидал недоумевающий взгляд на свою жену. Кроме этих лиц в опочивальне императрицы находились еще ее любимая фрейлина Юшкова и одна комнатная девушка, безотлучно ходившая за государыней.

Среди тишины, бывшей в опочивальне государыни, за дверью в соседней комнате слышался сдержанный шум тяжелых шагов. Герцог, стоявший около двери, быстро приотворил ее и, делая знак рукой, чтобы приближающиеся люди приостановились, подошел к императрице. Нагнувшись к ней, спросил тихим голосом, позволит ли она явиться графу Остерману. Анна Иоанновна движением головы выразила согласие, и тогда

герцог повелительно указал глазами принцу Антону, чтобы он растворил двери. Принц исполнил приказание герцога, и четверо гренадеров от дворцового караула внесли в спальную государыни графа Остермана в креслах, и она, напрягая свои последние силы, приказала, чтобы его посадили у изголовья ее постели.

При появлении Остермана находившиеся около императрицы поспешили выйти из комнаты, и из всех бывших там прежде остались теперь герцог, принц и принцесса.

– Не угодно ли будет вам удалиться отсюда, – сказал сурово герцог принцу, и с такими же словами, но только произнесенными мягким и вежливым голосом, он обратился к Анне Леопольдовне.

Принц Антон не заставил герцога повторять приказание и, почтительно поклонившись ему, начал осторожной поступью, на цыпочках выходить из спальни. Но Анна Леопольдовна как будто не слышала вовсе распоряжения герцога: она оставалась неподвижно на том месте, где стояла.

– Я покорнейше прошу ваше высочество, – сказал ей с некоторой настойчивостью герцог, – отлучиться отсюда на короткое время: ее величеству угодно наедине, в присутствии моем, переговорить с графом...

Анна не тронулась с места и только презрительным взором окинула герцога.

Императрица заметила происходившее между герцогом и своей племянницей и с сердцем начала говорить что-то, но не совсем внятно. Остерман догадался в чем дело. Делая вид, что силится привстать с кресел, он обратился лицом к Анне Леопольдовне и почтительно сказал ей:

– Ваше высочество, ее императорскому величеству угодно на некоторое время остаться только с его светлостью и со мной.

Принцесса порывисто бросилась к постели и, схватив руку тетки, крепко несколько раз поцеловала ее, затем, не говоря ни слова, тихими шагами вышла из комнаты.

Герцог, выпроводив всех, заглянул из предосторожности за обе двери и, убедившись, что теперь никто не может подслушивать, встал около кресла Остермана.

– Осмелюсь доложить вашему императорскому величеству, – начал нетвердым и прерывающимся голосом Остерман, осмеливаясь доложить по рабской моей преданности, что хотя Всевышний и не отнимает у верноподданных надежды на скорое выздоровление матери Российского отечества, но что тем не менее положение дел теперь таково, что вашему величеству предстоит необходимость явить еще раз знак материнского вашего попечения о благе под скипетром вашим управляемых народов.

– Ты, видно, хочешь сказать, Андрей Иванович, что предстоит надобность в моем завещании о наследстве престола и о регентстве?

– Никто не сомневается в выздоровлении вашего величества, – подхватил герцог, – но обстоятельства теперь таковы, что если вы, всемилостивейшая государыня, не объявите вашей воли, то впоследствии нас – лишь самых приближенных к вам – русские станут укорять в злых умыслах и не упустят обвинять в том, что им, пользуясь случаем, хотели установить безначалие с тем, чтобы захватить власть в свои руки.

– Его светлость имеет основание высказывать перед вашим величеством подобные опасения, – заметил Остерман, вынимая бумагу из кармана.

– Какая у тебя это бумага? – спросила государыня Остермана.

– Завещание вашего императорского величества.

– А кто писал его?

Остерман приподнялся и, поклонившись, отвечал:

– Ваш нижайший раб.

Сказав это, Остерман начал читать завещание, и когда дошел до той статьи, по которой герцог Курляндский назначался регентом до совершеннолетия будущего императора, Анна Иоанновна спросила герцога: «Надобно ли тебе это?»

Герцог упал на колени у постели и, целуя ноги императрицы, высказал ей то ужасное положение, в какое он будет поставлен, если Всевышний, сверх ожидания, к прискорбию верноподданных, воззовет к себе его благодетельницу прежде его самого. Он напоминал ей о своей безграничной преданности, о многих годах, проведенных с ней безотлучно, о сильных и неумолимых врагах, которых он нашёл себе, слепо повинувшись ее воле, об участи своего семейства, которое останется без всякой помощи, на произвол судьбы.

Остерман поддерживал слова герцога, пуская в ход свое красноречие.

– Поддай мне перо, Эрнест, – сказала наконец императрица Бирону.

Герцог живо исполнил это приказание и стал поддерживать императрицу, которая, приподнявшись на постели, подписала дрожащей рукой бумагу, положенную перед ней Остерманом на маленьком столе, стоявшем возле нее.

– Мне жаль тебя, герцог, – сказала императрица, бросив перо и отстраняя от себя рукой подписанную бумагу.

Слова эти сделались историческими, и после превратностей, постигших Бирона, прозорливые историки стали видеть в них пророчество о печальной судьбе герцога. Но кто знает, не были ли эти слова простым выражением скорби, навеянной на Анну Иоанновну при мысли о вечной разлуке с таким близким человеком, каким был для нее ее любимец?

– Ты кончил все, Андрей Иванович? – спросила государыня Остермана.

– Кончил, ваше величество, но я надеюсь вскоре снова явиться к вам для получения высочайших ваших повелений по некоторым делам, – сказал граф.

Анна Иоанновна отрицательно покачала головой.

Герцог вышел в другую комнату, и через несколько минут вошли в спальню гренадеры, чтобы вынести на креслах Остермана.

– Прощай, Андрей Иванович! – сказала ласково императрица, протягивая руку Остерману, который с трудом нагнулся в креслах, чтобы поцеловать ее.

Когда Остерман был вынесен в приемную, то находившиеся там адмирал граф Головин и князь Куракин сказали ему: «Мы желали бы знать, кто наследует императрице».

– Молодой принц Иван Антонович, – отвечал кабинет-министр, не сказав ни слова ни о завещании, ни о назначении регентом герцога Курляндского.

Ответ Остермана распространился тотчас между вельможами, бывшими в это время во дворце, а потом перешел и в городскую молву.

Значит, царством будет править принцесса Анна Леопольдовна, – говорили в народе.

Да кому же другому, как не ей, – замечали на это, – ведь она ближе всех императрице, да притом и родная внучка царя Иоанна Алексеевича.

Затем начались толки о принцессе, и большинство голосов склонялись в пользу нее, как женщины доброй и рассудительной.

Подпись завещания, трогательные речи герцога сильно утомили Анну Иоанновну. Силы ее стали быстро иссякать, и она, сознавая приближение смерти, выразила желание проститься с близкими ей людьми.

Осторожно стали входить в опочивальню царицы из приемной бывшие там сановники. Становясь на одно колено у постели умирающей государыни, они целовали ее руку. Между прочими подошел к ней и старик Миних.

– Прощай, фельдмаршал, – сказала ему императрица, и эти прощальные слова были последними ее словами.

Императрица впала в тяжелое забытие. Наступила борьба угасавшей жизни с одолевающей ее смертью. Государыня с трудом дышала, казалось, хотела узнать окружающих ее. Теперь возле нее оставались герцог, герцогиня, принцесса Анна Леопольдовна с мужем, духовник и доктор Фишер. Дыхание умирающей постепенно делалось реже, отрывистее и тише; она с трудом поднимала отяжелевшие веки над помутившимися глазами и металась головой на подушке. Наступила минута спокойствия,

государыня лежала неподвижно. Затем послышался глубокий вздох, за ним сперва глухое и потом все более и более усиливающееся хрипение, и умирающая вытянулась во весь рост, закинув на подушке голову.

В безмолвии, среди мертвой тишины смотрели все присутствовавшие на отходящую в вечность грозную самодержицу.

Первым к ней подошел Фишер; он осторожно рукой коснулся пульса императрицы, потом положил руку на сердце, внимательно прислушиваясь к ее дыханию.

– Все кончено, – сказал он, обратившись к герцогу.

Герцогиня взвизгнула и опустилась без чувств в кресла, Бирон упал на колени и, припав головой к постели, зарыдал, как ребенок. Принц Антон быстро заморгал глазами и, совершенно растерянный, не знал, что делать. Анна Леопольдовна сделалась еще бледнее, судорожное движение пробежало по ее губам, и она устремила свои глаза в лицо скончавшейся императрицы, на котором проявлялось теперь торжественное спокойствие, набрасываемое обыкновенно смертью в первые минуты своей победы над отлетевшей жизнью...

Тяжелая каменная болезнь прекратила царствование Анны Иоанновны на сорок седьмом году жизни.

Лишь только Анна Иоанновна скончалась, открылись двери ее опочивальни. Обер-гофмаршал граф Левенвольд со слезами известил присутствующих о смерти императрицы и пригласил их к телу усопшей.